
ПРЕДИСЛОВИЕ

НА ПОДСТУПАХ К ЧЕЛОВЕКУ

«Мифопоэтическое мировоззрение космологической эпохи исходит из тождества (или по крайней мере из особой связанности, зависимости, подтверждаемой и операционно) макрокосма и микрокосма, мира и человека. Человек как таковой — один из крайних ипостасных элементов космологической схемы, ее завершение и одновременно начало нового ряда, уже не уместяющегося в космологические рамки».
(Топоров 1988: 12)

После завершения в 2012 г. издания этнолингвистического словаря «Славянские древности» (СД) коллективу авторов необходимо было осмыслить результаты (как теоретические, так и практические) многолетней работы над словарем и предложить новые направления этнолингвистических исследований. Задачей нового этапа стало, с одной стороны, дальнейшее изучение семантических категорий символического языка культуры, а с другой — разработка новых подходов к синтетическому, целостному представлению традиционной народной культуры славян, т. е. переход от атомарной (парадигматической) картины мира, заключенной в словаре, к обобщенному, систематическому «тексту культуры» с его особой грамматикой, синтаксисом и семантикой¹. Общая проблематика

DOI: 10.31168/2619-0834.2018.1

¹ Несмотря на «атомарность» сведений из области народной антропологии, обусловленную самим лексикографическим жанром, приводимые в словаре «Славянские древности» данные в совокупности довольно полно очерчивают «тему человека» (так же как и тему народной космологии), включая такие ее разделы, как антропология (народные представления о происхождении человека), различные аспекты телесного человека (народная анатомия, в том числе телесные аномалии; физиология зрения, слуха и др.); народная медицина и представления о здоровье; пища и питание; одежда; жилище; внутренний мир и психология человека;

следующего этапа исследований условно была определена как «Мир и человек в этнолингвистическом освещении». Восприятие внешнего мира человеком через призму самого себя, т. е. в «человеческих» категориях и образах, когда человек является не только субъектом, но и инструментом или кодом восприятия, было предметом изучения в серии конференций и в итоговом издании «Антропоцентризм в языке и культуре» (Антропоцентризм 2017). Настоящее исследование посвящено другому аспекту этой обширной темы — образу самого человека, когда человек выступает одновременно в двух ипостасях — как субъект и как объект восприятия, осмысления и категоризации в языке и культуре, а инструментом или кодом служат как понятия и образы внешнего мира, так и категории «человеческого мира».

Человек предстает в языке и культуре в единстве его телесной, духовной и социальной ипостаси, как существо чувствующее, мыслящее и деятельное. С трудом можно представить себе не только когнитивную дефиницию этого исключительно сложного и разнопланового понятия (концепта), но даже и просто удовлетворительное лексикографическое толкование слова *человек* во всем объеме его значений, употреблений и коннотаций. Вот почему мы говорим сейчас только о подступах к человеку, т. е. о некоторых, избранных аспектах и сторонах этого понятия.

В лингвистической и этнографической литературе существует множество работ, касающихся отдельных аспектов общей «темы человека», но ощущается явный недостаток обобщений и теоретического осмысления темы. Тем не менее можно указать немало трудов, предлагающих новые подходы к интересующему нас кругу проблем — как со стороны языка, так и со стороны антропологии, этнографии, культурологии, философии (Адоньева 2004; Апресян 1995; Березович 2007; БНМ; Бобунова, Хроленко 2006; Валодзіна 2009; Вендина 2002; Гудков, Ковшова 2007; Дрвошанов 2005; Кабакова 2001, 2014; Коды 2011; Мазалова 2001; Митология 2008; Мужской сборник 2001, 2004; Народная медицина 2007; Никитина 1999; Образ человека 1999; Телесный код 2005; Тело 2005; Толстая 2012; Человек 2000).

«Теме человека» были посвящены три конференции в рамках ежегодных Толстовских чтений в Ясной Поляне. На чтениях 2015 г. обсуждалась проблема восприятия человека как биологического существа, т. е. вопросы языковой и культурной категоризации его анатомии (семиотика и мифология тела), физиологии (мифология еды, сна, сек-

---

человек социальный; представления о жизни и смерти; жизненный путь человека; производственная деятельность человека; семейные, календарные и окказиональные обряды; система ценностей и абстрактных понятий и т. д. См. (Толстая 2013/2015).

са и т. п.), психологии (способы восприятия мира человеком, система чувств — зрение, слух, обоняние и т. д., эмоциональный мир человека — веселье, радость, тоска, страх), культурной антропологии (происхождение человека и его членов, систем, свойств), мифологии и семиотики возраста и пола, рождения и смерти, здоровья и болезни. На чтениях 2016 г. рассматривался человек в его отношениях с другими людьми, его социальные роли и функции и способы их категоризации и их интерпретация в языке и культуре. Имелись в виду разные линии, связывающие человека с другими людьми и отличающие его от других: возрастная структура и иерархия в семье и социуме, положение детей, стариков, молодежи, соотношение полов в разных возрастных группах; отношения родства и свойства, иерархия и оценка родственных и семейных связей; отношения внутри социума (соседи, взаимопомощь, взаимные обязательства, вражда, способы регулирования отношений, общественный суд, обычное право и т. п.); трудовые и имущественные отношения, функции и свойства представителей разных видов деятельности, «специалистов» — кузнецов, мельников, пастухов, охотников, священников, нищих, колдунов и т. п.); отношение к иноверцам и инородцам. Чтения 2017 г. были посвящены теме «Человек в ритуале». На протяжении всей своей жизни (и даже за ее границами, т. е. до своего рождения и после своей смерти) человек оказывается включенным в систему ритуальной жизни социума — в качестве субъекта, объекта или адресата обрядовых действий. Это один из важных аспектов народной антропологии, до сих пор недостаточно привлекавший к себе внимание исследователей. Между тем он заслуживает изучения как в языковом отношении (терминология участников ритуалов и их функций; эпитеты, метафоры, антропонимия и топонимия, восходящая к подобным номинациям), так и в этнокультурном (ритуальные роли человека и их обусловленность физическими, физиологическими, психологическими, моральными свойствами человека, его родственными отношениями, социальным статусом). С другой стороны, заслуживает внимания влияние отдельных характеристик (пола, возраста, семейного и имущественного положения, родственных связей, черт характера, способностей и умений, авторитета и т. п.) на ритуальный статус человека. Разумеется, в прочитанных докладах затрагивались только некоторые из перечисленного круга вопросов; см. хронику чтений (Толстая 2016).

Тематическое разделение трех чтений в значительной степени условно: выделенные для обсуждения аспекты народной антропологии тесно связаны и даже переплетены друг с другом, и часто их невозможно разделить, ср. «семейный код» в номинации и метафорической трактовке частей тела; см., например, работу Е.А. Березович о диалектных названиях пальцев *мамка, дядька, отец, сынок, вдовый палец* и т. п. (Бе-

резович 2014: 233–240); семантические модели родства в календарной и иной терминологии (Категория родства 2009); производственные метафоры речевой деятельности (Березович 2014: 307–323) и т. п. Трудно отделить биологического человека от его социальных в широком смысле ролей, так же как не всегда возможно провести границу между разными «системами» человека (термин Ю.Д. Апресяна), см. (Апресян 1995): психология и эмоциональные реакции человека связаны с его жизненными позициями и оценками, а всякая оценка переносит нас в сферу социальных отношений и общественной системы ценностей.

Образ и мир человека и в языке, и в культуре имеет свои границы, отделяющие человека от внешнего мира и одновременно объединяющие его с ним. Между миром человека и другими мирами — животных, растений, мифологических персонажей, природных явлений, вещей — существуют двусторонние отношения — идущие от человека к миру (антропоцентризм и антропоморфизм) и от мира к человеку (восприятие человека в категориях внешнего мира). Рассмотрим кратко оба вектора в отношениях человека с окружающим миром. Ближайшим к человеку «миром» являются животные, с которыми у человека больше всего общих свойств и характеристик (Орозусја Homo–Animal 2003).

ЧЕЛОВЕК И МИР ЖИВОТНЫХ

А. Человек → животное (очеловечивание животных)

В упомянутом сборнике об антропоцентризме этому вопросу посвящена специальная статья А.В. Гуры (2017), в которой отмечаются не только языковые явления антропоцентризма и антропоморфизма, но и функциональные и иные уподобления животных человеку. (При этом рассматриваются главным образом дикие животные; в восприятии домашних животных, естественно, признаков очеловечивания намного больше.) К языковому коду относятся прежде всего номинации животных **личными именами** людей, например пол. *jakubek* — название волка, рус. *мишка* ‘медведь’, *петька* ‘петух’, полес. *петрик* ‘божья коровка’ и т. п., наделение животных, особенно домашних, личными именами: аист *Иван*, корова *Машка* и т. п. (особенно распространены такие номинации и именованья в фольклоре); для номинации животных могут использоваться этнонимы (ср. *жид* как название воробья, *прусак* или *цыган* как названия тараканов и т. п.), термины родства (лиса — *кума*). Но самый большой пласт явлений антропоморфизма относится к внешнему виду животных, которые в фольклоре и поверьях либо выступают в полностью **человеческом облике**, либо способны в определенных условиях принимать человеческий облик, либо обладают какими-то отдельными человеческими частями тела (например, по распространен-

ным представлениям, у медведя человечьи ступни); животные могут испытывать человеческие **эмоции и свойства характера** (бобр плачет, когда его поймают, лиса хитрая, голубь кроткий и под.), животным приписываются **человеческие действия и занятия** (комары в воздухе танцуют, пчелы работают, крадут мед у других пчел; птицы вступают в брак, змеи и мыши женятся, устраивают свадьбы и т. п.). Часто «человечиваются» **звуки, издаваемые животными**: филин хохочет, крики некоторых птиц уподобляются иностранной речи и т. п.

Между человеком и животными происходит полноценное **общение**: прилетающих птиц люди приветствуют специальными закличками, причем птицы якобы отвечают человеку, кукушке люди выплакивают свое горе и передают с ней на тот свет приветы и сообщения своим умершим близким; с домашней скотиной говорят, ее поздравляют с праздниками, ее извещают о смерти хозяина и т. д.

В. Животное → человек (уподобление человека животному)

Названия животных часто выступают в функции **ругательств, инвектив**, ср. *скот, скотина, собака, гад, гадюка, змея* и т. д. **Названия частей тела** животных, если они употребляются по отношению к человеку, в литературном узусе оказываются грубыми и оскорбительными. Но в диалектной речи они могут быть совершенно нейтральными обозначениями. В одном орловском селе такими нейтральными обозначениями являются *морда* в значении ‘лицо’ (*Самая красивая на морду у них Манька*), *лапа* в значении ‘рука или нога’ (*Иван лапу вчера повредил*), *шкура* в значении ‘кожа человека’, *когти* в значении ‘ногти’ и т. п.; подобные употребления, известные многим диалектам, в словарях литературного языка снабжаются пометой «просторечное» или «вульгарное» (Гришанова 2003; Брысина и Кудряшова 2004).

Интересный аспект интересующей нас темы обсуждается в недавно изданной книге «Глаголы звуков животных: типология метафор» (2015), составленной Е.В. Рахилиной и включающей материал большого числа языков (более 20) — индоевропейских (английского, немецкого, языка идиш, норвежского, валлийского, греческого, армянского, хинди), финно-угорских (мордовского, финского), тюркских и монгольских (башкирского, татарского, калмыцкого), кавказских (адыгейского, агульского), языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (японского, корейского, китайского, индонезийского). Это работа из области лексической и семантической типологии, но она также представляет интерес с точки зрения антропоцентризма в широком смысле слова. Авторы предисловия вспоминают слова Анны Вежбицкой о том, что язык антропоцентричен, поэтому в нем лексикализуются только те свойства зверей, которые **существенны для человека**. В разных языках

глаголы, обозначающие голоса животных, группируются по-разному и по-особому соотносятся с набором животных персонажей (повсюду много глаголов, воспроизводящих звуки собаки, кошки, овцы, птиц и др., и мало глаголов, относящихся к «чужим» или редким животным), но во всех языках звуковые глаголы и междометия, относящиеся к животным, используются вторично для экспрессивной характеристики человека — его голоса, его эмоциональных проявлений, его речевого поведения (агрессивность, грубость, пустословие, сплетни, обман и т. п.), ср. рус. *рычать* (как лев), *реветь* (как корова), *выть* (как собака), *лаять* ‘ругать, бранить’, *мычать* (как корова), *ржать* (как конь) ‘громко смеяться’, *щебетать* (как воробей), *пищать* (как цыпленок), *фыркать* (как лошадь), *шипеть* (как змея), *гоготать* (как гуси), *блеять* (как овца), *брехать* ‘лгать’ (как собака); ср. пол. *guszcę* ‘громко и фальшиво петь’, ‘громко плакать’, ‘громко смеяться’, *piszczeć* ‘говорить или жаловаться тонким голосом’, *mruczeć* ‘невнятно говорить’, *kwiczeć* ‘громко смеяться’, *wuć* ‘громко плакать’ и т. п.

ЧЕЛОВЕК И МИР РАСТЕНИЙ

А. Человек → растение (очеловечивание растений)

Этот вид отношений в обоих его аспектах исследуется в ряде работ Т.А. Агапкиной. В статье «Дерево и человек: одна судьба на двоих» (Агапкина 2013) отмечается, что, с одной стороны, по народным представлениям, деревьям приписываются признаки и свойства человека: они имеют пол (делятся на мужские и женские), и от этого зависят их свойства и судьба; в фольклоре деревья наделяются чувствами и способностями человека (они могут разговаривать, плакать, радоваться и огорчаться); с другой стороны, устойчивы представления о взаимосвязи судеб человека и дерева: это может быть параллелизм (как растет дерево, так растет и человек), это может быть взаимная дополнительность (если растет дерево, то гибнет человек), это может быть «одна судьба на двоих» (жизнь человека продолжается в жизни дерева). Люди «общаются» с деревьями: предлагают дереву породниться ради излечения ребенка от ночного крика («Сосна красна, у тебя сын, у меня дочка, давай мы их поженим, криксы-плачки поделим»), угрожают неродящему дереву срубить его, поздравляют плодовые деревья с праздником Рождества; в Полесье срубают плодое дерево в случае смерти хозяина или хозяйки; под деревом в саду погребают умерших (особенно детей) и т. п.

В другой статье Т.А. Агапкиной (2017) на материале славянских баллад рассматриваются следующие стороны взаимоотношения человека и дерева (главным образом в сюжете о дереве, вырастающем на месте гибели человека): внешнее (телесное) подобие дерева человеку (ветки

дерева — руки человека или косы девушки и т. п.); «человеческие» психические и эмоциональные черты и реакции дерева, его действия (дерево вздыхает, разговаривает, плачет, жалуется; деревья, выросшие на могиле влюбленных, сплетаются ветвями друг с другом и т. п.). Большой материал на тему взаимосвязи растений и человека содержится также в работах В.В. Усачевой (2008).

В. Растение → человек (вегетативный образ человека)

Даже тривиальные выражения, метафоры, сравнения и т. п. (ср. *цветущий вид, зрелые годы, увядшая красота* и т. п.) скрывают в себе архаические представления и семантические модели. Хотя существуют понятия, формы и категории, относящиеся в равной мере к человеку, животному и растению (ср. *расти, родить, плод* и т. п.), между растительными и животными образами человека наблюдается определенное разграничение: так, было замечено, что животные образы чаще связаны с отрицательными оценками и выступают как основа пейоративных номинаций и сопоставлений, тогда как растительные образы, напротив, чаще используются в положительном смысле. С другой стороны, можно заметить некоторую специализацию по признаку «мужской–женский»: женские имена чаще используют растительный код, а мужские — зоонимический. В диалектах восточной Сербии, по свидетельству Н. Богдановича (Богдановић 1995), субъектом действия, обозначаемого глаголом *родити*, может быть женщина или растение (метафорически этот глагол применим также к небесным телам), но ни в коем случае не животное: по отношению к животным употребляются только специальные глаголы: крава *тели*, овца *јагње*, свиња *прасе* и т. д.

К универсальным проявлениям растительного образа человека относится известный всем народам обычай наделения людей **растительными именами**. У славян такое именование, исторически связанное с защитной и продуцирующей магией имени (Толстые 1998), особенно распространено на Балканах. В сербском именнике можно найти мужские и женские имена, мотивированные названиями деревьев и кустарников: *Врбена, Јаблан, Јаворко, Јаворка, Јасен, Јелица, Грана* (ветка) и др.; цветов: *Гороцвет, Јасмин, Јасмина, Невен* (ноготок), *Невенка, Рузмарин, Ружа, Цветан, Цветанка* и т. п.; плодов и ягод: *Босиљак* (босиљак ‘базилик’), *Вишња, Дуња* (айва), *Јабука, Јагода, Кајсија* (абрикос), *Гроздан* (*грозд* ‘гроздь, кисть’, *грожђе* ‘виноград’), *Грозда, Гроздана, Грозданица* и т. п.

В восточнославянской традиции хорошо известны ласкательные обращения типа рус. *цветик мой, ягодка* и т. п., их репертуар в диалектном языке значительно шире. В языке фольклора такими номинациями изобилуют свадебные песни и похоронные причитания и оплакивания.

Растительный код используется во фразеологии славянских языков для обозначения зачатия и внебрачных половых связей: рус. *покушать горошку, гороху объесться* ‘забеременеть’, пол. *grochu się objadła* ‘забеременела’, укр. *у горох ускакнула, лізти у капусту, скакати у гречку, ходити на другы грукы*, чеш. *lézt do hrachu, lézt do konopí (někomu)*, словац. *chodit do cudzej kapusty, chodit do cudzeho taku*, рус. *ходить по зеленым* и т. п.

Самая «разработанная» растительная метафора в языке народной культуры связана с образом и концептом **цветов** и **цветения** и используется преимущественно применительно к девушке (вторично, «метонимически» также и к женщине вообще), обозначая ее готовность и способность к «плодоношению». Лексика и фразеология с корнем *цвет-* (и синонимичным ему в большинстве значений корнем *крас-*) обслуживает основные денотативные области женской репродуктивной сферы и используется для наименования детородных органов, месячных очищений, совокупления и зачатия, а также реалий и символов свадебного обряда (Толстая 2003/2008).

Цветочный код «обслуживает» также и сферу смерти: по распространенным верованиям, души умерших «процветают» на земле, цветы и зелень оказываются одним из их земных воплощений. По наблюдениям Л.Н. Виноградовой, в текстах похоронных причитаний и плачей значительная часть образов человека, использующих растительный код, относится к умершим молодым людям и детям (т. е. тем, кто при жизни «не расстался со своим цветом») (Виноградова 2000: 195–219). См. также (Толстая 2004/2008).

ЧЕЛОВЕК И МИР ПРИРОДЫ

А. Человек → явления природы (очеловечивание природы)

Речь может идти прежде всего о языковых и поэтических метафорах типа *молчание гор, говор моря, солнце выглядывает из-за облаков, «звезда с звездой говорит*» (Лермонтов) и т. п. Очеловечивание природы находит продолжение в распространенных поверьях: земля спит, земля беременна (поэтому до Благовещения нельзя трогать землю — копать, рыть, вбивать колья и т. п.). Антропоморфизма небесных и атмосферных явлений в прямом смысле слова, как правило, не наблюдается (если не считать фольклорных персонажей, таких как Ветер, Солнце, Луна, Заря, Река и т. п.), т. е. им обычно не придаются внешние черты («формы») и облик человека, однако приписываются человеческие свойства и характеристики, такие как **пол** (Солнце есть мужчина), отношения **родства** (Луна есть старшая дочь Солнца; Полярная звезда — младшая дочь; ветры — сыновья и братья Солнца и

т. д.), человеческий **способ существования** (у Солнца есть дом, семья, мать, жена, дети, братья, сестры), человеческие **формы поведения** (Солнце догоняет Месяц, ездит верхом на крылатом коне). См. также (SSSL 1/1: 121–125; Толстая 2017).

Сравните также формы «общения» с месяцем, предложение ему обмена: «Мисеч, я дам тебе золотые рога, а ты мне доброва здоровья!» (РКЖБН 5/3: 20) или широко известные обращения к месяцу для избавления от зубной боли. Известны также обращения людей к солнцу, огню, к земле. На Вологодчине были распространены «молитвенные обращения к некоторым ручьям, считающимся целебными, например к минеральному источнику Корнильевскому» (РКЖБН 5/2: 69). Там же дети «во время продолжительного вёдра [ясной погоды], бегая по улице, просят у радуги дождя следующим припевом: “Радуга-дуга, дай дождя!” Если же и без того дождя много и нуждаются в вёдре, то приговаривают так: “Радуга-дуга! Не давай дождя, давай солнышка, давай вёдрышка!”» (РКЖБН 5/2: 529).

В. Явления природы → человек (уподобление человека стихиям и явлениям природы)

Значительно меньше примеров уподобления человека стихиям и явлениям природы. В языке присутствуют метафоры человеческих свойств и поведения, отсылающие к явлениям природы: *каменное сердце, разбушеваться* (как буря, море), *волнение моря — волнение человека, «он весь как Божия гроза»* (Пушкин о Петре I) и т. п.

Широко распространены у славян представления об общности судьбы человека и звезды. Например, в Вологодской губ. верили, что «с появлением на свет новорожденного младенца на небе появляется новая звезда, которая и существует на небе до тех пор, пока жив этот человек; с моментом же смерти человека соответствующая звезда падает мгновенно с неба. Затем степень яркости блеска той или другой звезды находится в прямой зависимости от степени праведности или неправедности жизни соответствующего человека» (РКЖБН 5/2: 529).

ЧЕЛОВЕК И ПРЕДМЕТНЫЙ (МАТЕРИАЛЬНЫЙ) МИР

А. Человек → предмет (очеловечивание предметов)

В сферу антропоцентризма входит также отношение человека к созданному им предметному миру, который также «очеловечивается» и наделяется человеческими формами, именами и свойствами. Сюда относятся такие тривиальные и хорошо известные явления, как обозначение предметов или их деталей названиями частей человека, часто в форме уменьшительных существительных (*ручка двери, ножка стула, головка лука, носик чайника* и т. п.).

В. Предмет → человек (уподобление человека предметам)

В этиологических легендах человек создается Богом из элементов материального мира — из глины (ср. *бренное тело*), из земли (ц.-слав. о человеке: «яко земля еси и в землю отидеши»), из песка (рус. *из него песок сыплется* — о старом человеке), из теста (рус. *люди из одного теста*, укр. *з м'якого тіста* — о безвольном человеке); его лепят, как горшок (пол. о похожих людях: *z jednej gliny ulepieni*), ткнут или шьют (рус. *неладно скроен, да плотно шит*; человек *Божий обшит кожей* и т. п.), выковывают (рус. *человек крепкого закала*, серб. *човек доброг кова*), вырубают из дерева (рус. диал. *вырезанный* ‘очень похожий, вылитый’), его выпекают в печи, как хлеб (рус. *недопёка* — о бестолковом человеке, *поскрёбыш* — о последнем ребенке) и т. п. Подробнее см. (Голстая 2000/2008).

ЧЕЛОВЕК И ДЕМОНИЧЕСКИЙ МИР**Человек → мифологические персонажи (очеловечивание демонических персонажей). Мифологические персонажи → человек (демонологизация человека)**

На тему персонафикации, антропоморфизма (и зооморфизма) мифологических персонажей, так же как и о взаимоотношении человека с демоническими существами, о демонологизации человека очень много писала Л.Н. Виноградова, поэтому я позволю себе отослать к ее работам (Виноградова 2000; 2000а; 2016).

ЧЕЛОВЕК И БОЖЕСТВЕННЫЙ МИР**Человек → Бог, святые (очеловечивание Бога, святых и т. д.)**

Больше всего языковых и фольклорных данных можно почерпнуть из текстов легенд (например, легенд о том, как Бог и святые ходили по земле), из текстов так наз. фольклорной (народной) народной Библии, из текстов, относящихся к народному календарю и отдельным праздникам, посвященным святым, а также разнообразных иных текстов народной культуры, таких как заговоры, проклятья, запреты и др., в которых сакральные персонажи предстают во всей гамме человеческих свойств и проявлений.

Бог, святые → человек (обожествление, сакрализация человека)

Значительно меньше данных, относящихся ко второй стороне этой темы, т. е. к теме обожествления или вообще сверхъестественных способностей и свойств человека, приводящих к его «сакрализации». Как правило, такие способности (например сверх-видение, способность к пророчеству, дар исцеления и вообще воздействия на людей, животных, нечистую силу и т. п.) человек может приобрести в определенные мо-

менты времени или в связи с особыми обстоятельствами его зачатия, рождения и т. п. Такие сверхъестественные способности могут объясняться как воздействием сакральных персонажей, так и — даже чаще — контактами с мифологическим миром. См. также (Толстая 1995).

В традиционной системе ценностей человек занимает совершенно особое место, однако это место не оставалось неизменным на протяжении веков, и даже в современном мире это понятие трактуется по-разному в зависимости от того, как понимается соотношение человека с природой, социумом (государством) и высшими силами (Богом). Для разных лиц, разных социальных групп и даже политических платформ и, конечно, для разных эпох на первом месте в иерархии ценностей стояла и стоит либо одна, либо другая, либо третья, либо четвертая сущность. Содержание концепта «человек» и его внутренняя структура, безусловно, зависит от этой иерархии.

В заключение приведу две полярные точки зрения на проблему антропоцентризма и места человека в глобальной картине мира.

Несколько лет тому назад Вячеслав Всеволодович Иванов, недавно ушедший от нас великий ученый и мыслитель, прочел публичную лекцию на тему «Новые открытия. Человечество и будущее». И вот что он среди прочего сказал: «Потрясающее открытие современной физики заключается в том, что, по-видимому, правилен так называемый антропный, или человеческий, антропологический принцип. <...> Это означает, что с самого своего возникновения, с момента возникновения всей нашей Вселенной она была так устроена, что в ней оказалось возможным потом возникновение и развитие человека <...> А для чего самой Вселенной, этой нашей квартире, было нужно, чтобы у нее появился такой обитатель? Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что если бы нас не было, то у Вселенной не было бы необходимых средств для того, чтобы как бы на себя посмотреть со стороны. <...> Для того чтобы увидеть всю красоту природы, надо посмотреть на нее глазами людей». Это взгляд на мир, объясняющий и оправдывающий «антропный» принцип устройства самого мира и тем самым принцип антропоцентризма (в его телеологическом аспекте).

А вот противоположный взгляд, сформулированный сербской исследовательницей традиционной культуры Мирьяной Детелич (между прочим, за два дня до смерти) и опубликованный в книге, созданной под ее редакцией (совместно с Лидией Делич). Книга называется «Кровь. Литература, культура» (Крв 2017). Это четвертая книга серии — первая была посвящена обитателям воздушного пространства, вторая — обитателям земли (змеям и прочим гадам), третья — обитателям водного мира (рыбам), четвертая — крови (как элементу «огневой» природы). Вот что пишет Мирьяна Детелич:

«Идея о том, что мир рассматривается с точки зрения другого, т. е. с позиции нечеловеческого начала, вела к дезантропоцентризации известной максимы “человек есть мера всех вещей”. Этот девиз не просто вреден, ибо он оправдывает уничтожение биосферы в планетарном масштабе, ибо он привел к непрекращающимся войнам, к общему одиночеству и в материальном, и в нематериальном плане и ко многому еще, о чем я не должна вам напоминать, — но и глуп, потому что ни одно разумное существо не стало бы столь высокомерно выставлять на первый план свои худшие черты: алчность, агрессивность и нетерпимость. К сожалению, оказалось, что человек может говорить об окружающем мире, даже при самой доброй воле, только с позиции человека. Высший интеллект, которым он так гордится, явно изменил ему в данном случае. Поэтому я начинаю думать, что сам этот девиз был не столько выражением самодовольства Протагора, сколько, скорее всего, гласом вопиющего в пустыне» (Крв 2017: 8). Этот взгляд исходит из этической риторки антропоцентризма.

Из этого видно, насколько актуальны проблемы человека и его места в мире, проблемы границ между человеком и другими обитателями и существами Вселенной.

Литература и источники

- Агапкина 2013 — *Агапкина Т.А.* Дерево и человек: одна судьба на двоих // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию Н. И. Толстого. М., 2013. С. 42–58.
- Агапкина 2017 — *Агапкина Т.А.* Распознать в дереве человека (на материале славянских баллад) // *Антропоцентризм в языке и культуре* / Отв. ред. С.М.Толстая. М., 2017. С. 41–55.
- Адоньева 2004 — *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004.
- Антропоцентризм 2017 — *Антропоцентризм в языке и культуре* / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2017.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопросы языкознания*. 1995. № 1. С. 37–67.
- Березович 2007 — *Березович Е.Л.* Человек среди людей: о семантико-прагматической программе слова *люди* // *Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования*. М., 2007. С. 82–111.
- Березович 2014 — *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- БНМ — *Българска народна медицина* / Сост. и ред. М. Георгиев. София, 1999.

- Бобунова, Хроленко 2006 — *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора. Лексика былины. Ч. 2: Мир человека. Курск, 2006.
- Богдановић 1995 — *Богдановић Н.* Лексика плођења у говорима Сврљишког краја // Етнокултуролошки зборник. 1995. Књ. 1. С. 249–254.
- Брысина, Кудряшова 2004 — *Брысина Е.В., Кудряшова Р.И.* Соматическая лексика в донских говорах Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2001–2004. СПб., 2004. С. 260–266.
- Вендина 2002 — *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- Валодзіна 2009 — *Валодзіна Т.В.* Цела чалавека. Слова, міф, рытуал. Мінск, 2009.
- Виноградова 2000 — *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
- Виноградова 2000a — *Виноградова Л.Н.* Кто вселяется в бесноватого? // Миф в культуре: человек — не-человек. М., 2000. С. 33–46.
- Виноградова 2016 — *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М., 2016.
- Глаголы звуков животных 2015 — *Глаголы звуков животных: типология метафор* / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2015.
- Гришанова 2003 — *Гришанова В.Н.* Анатомические названия в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2000. СПб., 2003. С. 59–65.
- Гудков, Ковшова 2007 — *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. М., 2007.
- Гура 2017 — *Гура А.В.* Антропоцентризм в народной зоологии // Антропоцентризм в языке и культуре. М., 2017. С. 25–40.
- Дрвошанов 2005 — *Дрвошанов В.* Анатомската лексика за човекот во македонските говори. Скопје, 2005.
- Кабакова 2001 — *Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
- Кабакова 2014 — *Кабакова Г.И.* Русские традиции гостеприимства и застолья. М., 2014.
- Категория родства 2009 — *Категория родства в языке и культуре* / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009.
- Коды 2011 — *Коды повседневности в славянской культуре: Еда и одежда* / Отв. ред. Н.В. Злыднева. М., 2011.
- Крв 2017 — *Крв. Књижевност, култура* / Ред. Л. Делић, М. Детелић. Београд, 2017.
- Мазалова 2001 — *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001.

- Митология 2008 — Митология на човешкото тяло. Антропологичен речник / Сост. и ред. М. Георгиев. София, 2008.
- Мужской сборник 2001, 2004 — Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М., 2001; Вып. 2: «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004.
- Народная медицина. Ритуальна-магична практика / Уклад. Т.В. Валодзіна. Мінск, 2007.
- Никитина 1999 — *Никитина С.Е.* Человек и социум в народных профессиональных текстах (лексикографический аспект). М., 1999.
- Образ человека 1999 — Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999.
- РКЖБН — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева. СПб., 2004–2008. Т. 1–5.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.
- Тело 2005 — Тело в русской культуре / Сост. Г.И. Кабакова и Ф. Конт. М., 2005.
- Телесный код 2005 — Телесный код в славянских культурах / Отв. ред. Н.В. Злыднева. М., 2005.
- Толстая 1995 — *Толстая С.М.* Сакральное и магическое в народном культе святых // *Folklor — Sacrum — Religia* / Pod red. J. Bartmińskiego i M. Jasińskiej-Wojtkowskiej. Lublin, 1995. S. 38–46.
- Толстая 2000/2008 — *Толстая С.М.* Бренное тело, или из чего сотворен человек // *Јужнословенски филолог*. Београд, 2000. Књ. 57/3–4. Посвећено Павлу Ивићу [то же в кн.: *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 297–308].
- Толстая 2003/2008 — *Толстая С.М.* Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // *Славянское языкознание. XIII Междунар. съезда славистов. Доклады российской делегации*. М., 2003. С. 549–563 [см. также в кн.: *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 121–133].
- Толстая 2004/2008 — *Толстая С.М.* «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*. Сб. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 694–703 [то же в кн.: *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 338–346].
- Толстая 2012 — *Толстая С.М.* Человек // СД 5. С. 498–502.

- Толстая 2013/2015 — *Толстая С.М.* Мир и человек в словаре «Славянские древности» // Навстречу III Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник научных статей. М., 2013. С. 128–146 [то же в кн.: *Толстая С.М.* Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 29–44].
- Толстая 2016 — *Толстая С.М.* Толстовские чтения XI–XX // Славяноведение. 2016. № 6. С. 102–108.
- Толстая 2017 — *Толстая С.М.* «Очеловечивание сущего»: заметки об антропоцентризме и антропоморфизме в языке и культуре // Антропоцентризм в языке и культуре. М., 2017. С. 7–24.
- Толстые 1998 — *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Междунар. съезду славистов. М., 1998. С. 88–125.
- Топоров 1988 — *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 7–60.
- Усачева 2008 — *Усачева В.В.* Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.
- Человек 2000 — Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000.
- Opozycja Homo–Animal 2003 — Język a Kultura. Tom 15. Opozycja Homo–Animal w języku i kulturze / Pod red. A. Dąbrowskiej. Wrocław, 2003.
- SSSL — Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński. T. 1: Kosmos. Lublin: Wyd. Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 1996. Cz. 1: Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie; 1999. Cz. 2: Ziemia, woda, podziemie; 2012. Cz. 3: Meteorologia; Cz. 4: Świat, światło, metale; T. 3: Rośliny. [Cz. 1:] Zboża. 2017.

С.М. Толстая